

В.Г. Ражников

Ярмарка идей или искусство психологии

1. Вводные заметки для понимания

Читателю предлагается на выбор некоторое количество заметок, идей и целых проектов в свободной форме.

Совершенно невозможно окончательно заявить, что именно принадлежит только мне лично, ведь наука – это коллективное творчество. Хорошо хоть, кое-что можно сделать и без опоры на коллектив – самостоятельно выбрать себе компанию основоположников.

от, кроме Господа, основного Спасителя нашего бедного ума, я выбрал себе в учителя несколько авторитетов-современников: русского философа А. Арсеньева, рожденного в Ирландии американского психолога и писателя Р. Уилсона, еще одного американца, гонимого в свое время в своей стране, Т. Лири, английского биолога, специалиста по физиологии растений Р.Шелдрейка. Эти, близкие моему сердцу люди, застолбили себя в коллоидной массе познания тем, что точнее других, знают, где находится главное, а где то, что идет за ним следом.

Они не столько беззастенчивые ниспровергатели традиций, сколько те умные смельчаки, которые, улыбаясь, заявляют, что король любит позировать голым. Взять хотя бы незабвенную проблему глупости.

Казалось бы, что глупости начисто лишены такие патентованные умы, как Нобелевские лауреаты, великие ученые, крупнейшие первооткрыватели, к тому же пострадавшие от несправедливости коллег.

Вот, пожалуйста. В 1905 году специальную теорию относительности Альберта Эйнштейна большинство физиков не приняло. Особенно их смутил предел скорости света в вакууме. Глупость специалистов? – Возможно.

Чем гений им ответил?

Эйнштейн мстительно долго (до 1920 г.) не принимал квантовую теорию. И это, несмотря на безупречные экспериментальные доказательства. В нашей самобытной стране, лидер государственного органа мышления, созданного специально, чтобы обсуждать законы, заявил, что «Государственная дума не место для дискуссий».

О других наших соотечественниках, с указанием имен, я расскажу в своем месте. Может быть, следует предположить, что глупость – это особый тип заразного социо-семантического нетерпения: «...если не я первый, то кто же?...»

Во многих местах текста я прибегаю к принципу: каждая отдельная мысль отделена строкой.

Во-первых, потому что, как вы догадываетесь, мыслей не переизбыток, а во-вторых, это напоминает милый сердцу поэтический подход – отдельный стих – отдельная строка, поскольку мысль в поэзии выражена наиболее точно и концентрированно. На мой вкус, так и понимания больше и, читая, не заснешь подольше. И последнее.

У своих учителей-наставников я научился не быть слишком категоричным ни в содержании суждения, ни в языке изложения.

Всё-таки наука, это, прежде всего, область гипотез – и да, и нет, и может быть. Поэтому язык предположений, в науке мог бы стать часто употребляющимся. Некоторое количество выделенных идей и предположений я старался рассмотреть в двух положениях в теории и в эмпирии, что, на мой взгляд, возбуждает читателя как мыслящего субъекта.

В специальных разделах я описывал устройство эксперимента, а также, там, где скопились результаты, ссылаясь на свою скромную практику и, условно говоря, внедрение, в виде ссылок и публикаций.

В связи с этим, я должен сообщить, что я имею ввиду под этими положениями.

Теория, теоретический подход выявляет замысел, его структуру, генезис, историю идеи (проблемы) на высших этапах сознания. Теория создает проект действительности мыслительного, нефизического свойства. Теоретические положения могут быть надмирны, отвлеченны, созерцательны и даже абстрактны, психологически антифеноменологичны и непрacticны.

Эмпирия рассматривает, анализирует и запускает механизмы преобразования отвлеченных или абсолютных идей в чувственный феномен, в наблюдаемое явление, в то, что можно испытать.

Эмпирический человек, как чувствующий субъект, уверенно расположен в пространстве-времени, активно пользуется аффектами и всеми модальностями своих ощущений – зрением, слухом, осязанием, обонянием и др. Его нервная система наделается динамикой, которая формирует сложнейшую структуру того, что человек чувствовал, чувствует в данный момент и может реально испытать в ближайшем будущем.

Эксперимент решает личную проблему ученого в его взаимоотношениях с наукой: видит ли он себя человеком, желая-щим нечто понять и неразделимым с этим пониманием или нет.

Я человек эпохи Москвошвея,-
Смотрите, как на мне топорщится пиджак,
Как я ступать и говорить умею!
Попробуйте меня от века оторвать,-
Ручаюсь вам - себе свернете шею!

Осип Мандельштам.